

Сумачев Алексей Витальевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет;

Sumachev Alexey V.

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Tyumen State University,

e-mail: alekssumachev@mail.ru

УДК 343.233

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА

CRIMINAL-LEGAL LIMITS OF MEDICAL INTERVENTION IN RELATION TO A HEALTHY PERSON

Аннотация. Нет сомнений в том, что в современном обществе необходимо адекватно соотносить достижения наук и основные ценности человека, прежде всего, его жизнь и здоровье. В этой связи, детальное определение уголовно-правовых пределов медицинского вмешательства в отношении здорового человека должно быть определено не только на уровне медицинских правил, но и в соответствующем, включая репрессивное, законодательстве. В статье указаны формы медицинского вмешательства в отношении здорового человека и далее рассмотрены уголовно-правовые пределы осуществления соответствующих медицинских манипуляций.

Ключевые слова: медицинское вмешательство, диагностика, хирургия, донорство, стерилизация, прерывание беременности.

Annotation. There is no doubt that in modern society it is necessary to adequately correlate the achievements of science and the basic values of a person, first of all, his life and health. In this regard, a detailed definition of the criminal-legal limits of medical intervention in relation to a healthy person should be determined not only at the level of medical rules, but also in the relevant, including repressive, legislation. The article specifies the forms of medical intervention in relation to a healthy person and further examines the criminal-legal limits of the implementation of appropriate medical manipulations.

Keywords: medical intervention, diagnostics, surgery, donation, sterilization, termination of pregnancy.

Первоначально отметим, что медицинское вмешательство в отношении

здорового человека может выражаться в следующих формах:

- диагностическое медицинское обследование (например, проведение предварительных и/или периодических медицинских осмотров (обследований));
- профилактическая медицинская деятельность (например, вакцинация населения от коронавируса COVID-19);
- осуществление медицинских исследований (например, испытания медицинских препаратов (лекарств) на добровольцах - медицинские эксперименты);
- пластическая хирургия (хирургия, занимающаяся оперативными вмешательствами, направленными на устранение деформаций и дефектов какого-либо органа, ткани или поверхности человеческого тела [1]);
- операции по смене пола [2];
- прижизненное донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка);
- донорство крови и (или) ее компонентов;
- применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия;
- медицинская стерилизации;
- искусственное прерывание беременности.

Нет сомнений в том, что при осуществлении медицинского вмешательства в отношении здорового человека должны соблюдаться не только организационно-медицинские, но и правовые требования. В ряду правовых требований особое значение имеют уголовно-правовые пределы медицинского вмешательства в отношении здорового человека, поскольку такое вмешательство, с одной стороны, способно причинить вред здоровью человека либо вообще повлечь его смерть, с другой стороны, отдельные формы медицинского вмешательства (например, прижизненное донорство органов для трансплантации, медицинской стерилизации или искусственное прерывание беременности) по последствиям схоже с фактами преступного

причинения вреда здоровью. Соответственно, детальная разработка уголовно-правовых пределов медицинского вмешательства в отношении здорового человека задача актуальная.

Итак, рассмотрим некоторые формы медицинского вмешательства в отношении здорового человека.

Правовое регулирование *применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия* в наиболее общем виде осуществляется на основании ст. 55 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [3] (далее - Закона), и более детально - «Инструкцией по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий», утвержденной Приказом Минздрава России «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» от 26 февраля 2003 г. № 67 [4]. В соответствии с Законом, «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокaя женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство» (ч. 3 ст. 55 Закона). Далее в данной статье конкретизируются условия применения вспомогательных репродуктивных технологий. Стоит отметить, что ранее, а именно в ст. 35 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 22 июля 1993 г. № 5487-1 [5], отмечалось, что «незаконное проведение искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации». Стоит отметить, что уголовное законодательство России не предусматривало и не предусматривает специальной нормы, устанавливающей ответственность

за такого рода деяния (в отличие, например, от ст. 162 Уголовного кодекса Испании [6]). Если же в результате искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона здоровью женщины будет причинен вред, деяние следует расценивать как неосторожное преступление (соответственно, ст. 109 или ст. 118 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ)).

Достаточно разработанным на уровне уголовного законодательства представляется институт охраны прав беременной женщины. Можно указать, например, что состояние беременности влияет на назначение наказания (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ), на освобождение от наказания (ст. 82 УК РФ), на квалификацию деяния (п. «г» ч. 2 ст. 105, ст. 111, 118, ст. 123, п. «е» ч. 2 ст. 126, ст. 145 УК РФ и др.). Уголовно-правовые последствия в большинстве указанных случаев не связаны с субъективными установками (желаниями) женщины, а связаны с самим фактом состояния беременности. В данном случае следует рассмотреть вопрос о правовых последствиях, обусловленных волеизъявлением беременной женщины, и, в частности, ее согласие на проведение *искусственного прерывания беременности*. Условия правомерности искусственного прерывания беременности определены в ст. 56 Закона, где, прежде всего, отмечается: «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия». Далее конкретизируются основания и порядок искусственного прерывания беременности, то есть условия правомерности медицинского вмешательства данного вида. Здесь же, в ч. 8 ст. 56 Закона, указано: «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».

Уголовное законодательство оперирует также таким признаком, как производство аборта *лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля* (ст. 123 УК РФ). Таким образом, условия правомерности способов искусственного прерывания беременности следует

соотносить: со сроком беременности (медико-социальный показатель); согласием женщины (юридический показатель) и наличием высшего медицинского образования соответствующего профиля (уголовно-правовой показатель).

Условия правомерности проведения *медицинской стерилизации* определяются лишь на уровне медицинского законодательства. В наиболее общем плане эти правила установлены ст. 57 Закона: «Медицинская стерилизация как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции может быть проведена *только по письменному заявлению гражданина* (курсив наш. - А.С.) в возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина - независимо от возраста и наличия детей». Таким образом, *условия правомерности медицинской стерилизации* как способа неправомерного причинения тяжкого вреда здоровью имеют социально-медицинский и правовой характер: медицинские показатели допустимости стерилизации, социальный (возраст, наличие детей и т.п.) и юридический - согласие лица на стерилизацию.

Вопрос о *донорстве органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке)* логично рассматривать параллельно с проблемой *донорства крови и (или) ее компонентов*. Тем более, что в юридической литературе они также рассматриваются во взаимосвязи [7; 8; 9, с. 84-96].

В качестве критериев правомерности донорства крови и, особо, трансплантации органов и тканей человека И.И. Горелик и несколько позднее А.Н. Красиков выделяли следующее: 1) больному нельзя оказать помощь иными средствами, кроме пересадки органов и тканей; 2) вред, причиняемый при этом донору, меньший, чем предотвращенный вред для больного-реципиента. И далее они замечали, что трансплантация не будет правомерной при отсутствии хотя бы одного из этих условий [8, с. 43; 9, с. 91].

Столь пристальное внимание юристов к этой проблеме было обусловлено, с одной стороны тем, что подобные методы лечения на тот момент (80-е годы XX столетия) находились в стадии становления, и, с другой - отсутствием на тот момент детально разработанного соответствующего законодательства. Так, едва ли не единственным нормативным актом, регулирующим вопросы донорства на то время, являлось постановление Совнаркома РСФСР «О кадрах доноров» от 22 апреля 1935 г. [10].

Современная медицинская и юридическая практика разработала ряд условий, при соблюдении которых действия врачей при донорстве органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке), а равно крови и (или) ее компонентов следует признавать правомерными. В частности, условия правомерности донорства органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке), а равно крови и (или) ее компонентов логически вытекают из положений Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 [11], ст. 47 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, Федерального закона Российской Федерации «О донорстве крови и ее компонентов» от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ [12]. К таковым можно отнести: 1) живой донор свободно и сознательно выразил согласие на изъятие своих органов и (или) тканей либо на донорство крови и (или) ее компонентов; 2) изъятие у донора органов и (или) тканей либо взятие от донора крови и (или) ее компонентов допустимо только при условии, если здоровью донора не будет причинен вред; 3) органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи, а также запрещена продажа в другие государства донорской крови и (или) ее компонентов, полученных в пределах территории Российской Федерации; 4) донор прошел всестороннее медицинское обследование и имеется заключение консилиума врачей-специалистов о возможности изъятия у него органов и (или) тканей для трансплантации либо донор не имеет медицинских противопоказаний для сдачи крови и (или) ее компонентов.

Зарубежная юридическая практика, и, в частности, Уголовный кодекс Испании, определяет неприступность действий при трансплантации органов при наличии свободного соглашения об этом и соответствии действия по трансплантации закону, если соглашение не было сфальсифицировано, получено за плату или согласившийся был несовершеннолетним или недееспособным (ст. 156 УК Испании) [6]. Можно заметить, что условия неприступности причинения вреда здоровью донора при трансплантации в России и Испании во многом совпадают. Тем не менее, следует признать положительный опыт испанского законодателя, определившего на уровне *уголовного закона* такие критерии.

Основываясь же на положениях российского законодательства, можно сделать вывод, что нарушение любого из перечисленных выше условий правомерности донорства органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке), а равно крови и (или) ее компонентов должно влечь юридическую, включая уголовную, ответственность.

Таковы основные уголовно-правовые пределы медицинского вмешательства в отношении здорового человека, установленные законодательством России. Знание их является целесообразным не только для медицинских работников, но и для здоровых пациентов, выразивших желание на осуществление соответствующих медицинских процедур.

Список литературы

1. Википедия - свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пластическая_хирургия (дата обращения: 2 сентября 2021 г.).
2. Приказ о замене диплома кандидата наук от 18 июля 2019 г. № 685/нк Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/dipcertevid#tab=tab:orders~> (дата обращения: 2 сентября 2021 г.).
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
4. Российская газета. 2003. 6 мая.
5. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318.
6. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М.

Решетникова. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1998. 218 с.

7. Авдеев М.И. Правовое регулирование пересадки органов и тканей // Сов. гос-во и право. 1968. № 9. С.83-88.

8. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. Минск, 1971. 91 с.

9. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве; Под ред. проф. И.С. Ноя. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 121 с.

10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1935. № 13.

11. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 62.

12. Российская газета. 2012. 23 июля.